

Космические образы в поэтическом тексте

Традиционно космические образы привлекали внимание поэтов. Образы солнца, звезд, луны и других небесных светил, передающих внутренние состояния человека, его настроение или создающих пейзажи в тексте, достаточно активно функционируют в поэзии первой половины XX века (М. Волошин, К. Бальмонт, И. Анненский, О. Мандельштам, А. Ахматова, М. Цветаева и др.).

В мировом пространстве осуществляется постоянное взаимодействие человек / космос. Человек - властитель вселенной, один из ведущих мотивов в поэзии В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого и др. авторов. Мир и мироздание заполняет всю сущность человека, наполняет его душу светом и солнцем: верю, дерзкий, ты поставишь по земле ряды ветрил, ты своей рукой направишь бег **планеты** меж светил (В. Брюсов); вот и солнце, удаляясь на покой, опускается за сонною рекою; я – предвечернее **светило**, подобно-огненный закат; в нем странны были светы, в нем было все – **луной**; пойми, о, нежная мечта, я жизнь, я **солнце**, красота; я с **солнцем** сливался, и мною рассвет был зажжен (К. Бальмонт); смотри туда участно, безучастно - мне все равно – **вселенная** во мне (А. Блок); не боялись **луны**, прожигающей сети (А. Белый).

В то же время человек является слабым существом, ищущим помощи, поддержки у космоса: **месяцу** ты отдаешься, как светлой судьбе (К. Бальмонт); и я опять, больной и хилый, ищу счастливую **звезду** (А. Блок).

Космонимы в поэтических текстах могут создавать загадочный, таинственный, спокойный пейзаж: в **солнце** звуки мечты, ароматы и цветы; **луна** богата силою внушенья, вокруг нее всегда витает тайна; доверяясь этой жгучей и таинственной **звезде**, я пойду, как дух могучий, по земле и по воде (К. Бальмонт); **звезды** мерцают в огнистом убранстве (А. Белый).

Вместе с тем с космическими образами связаны такие чувства, как грусть, печаль, разочарование: покраснела рябина, посинела вода, **месяц**, всадник унылый, уронил повод (С. Есенин); за нарядные одежды осень **солнцу** отдала улетевшие надежды вдохновенного тепла (А. Блок).

В ряде поэтических текстов первой половины XX века использование космонимов имеет негативную коннотацию. Космические образы, участвующие в создании картин, связанных с темой смерти, представлены в образах солнца, луны, звезды. Создается тягостное ощущение безысходности, безнадежности, отчаяния: это **солнце** ночное хоронит возбужденная играми чернь; песок остывает согретый, вчерашнее **солнце** на черных носилках несут; на **луне** – полутьма (О. Мандельштам); ты нам грозишь последним часом **звезда** (А. Блок); ясен путь, да страшен жребий, застывая, онеметь - и по мертвому

солнцу в небе стонет раненая медь; грозою полдень был тяжелый напоен...сияньем **солнца** мрачным (И. Анненский), небо свинцовое, **солнце** неверное, ветер порывистый, воды холодные, словно прилившая, грусть равномерная; твой вечер настанет, и вместо всемирности вольного света, за **солнцем** погасшим, затеплишь ты в тесном покое свечу; как мертвое око мне светит **луна** (К. Бальмонт); мерцает бледное лицо среди ядовитого болота, и **солнце** черное, как ночь, вбирая свет уходит прочь (М. Волошин).

Утрата света, тепла небесных светил приводит к безразличию и разочарованию.

Наименования космических объектов создают картины, связанные с темой любви, с образом любимой женщины: любви сияла мне **звезда**; дышали вместе под **луной** (К. Бальмонт); молчи, воспоминание, о, грудь моя, не пой...она была мне тайной и **луной**; среди миров в мерцании света одной **звезды** я повторяю имя; я понимаю все... но сердце; и сюда схожу ли стариком иль в пору молодую покинул... и любви сияла мне **звезда** (И. Анненский), тобой, как **солнцем**, облачен (А. Белый), ты – **солнце** во мраке ненастья; ваш образ - **звезда** (К. Бальмонт).

Космические образы в поэтических текстах первой половины XX века связаны с темой времени: **луна** и **солнце** побледнели, **созвездья** форму изменили, движение сделалось тягучим и время стало как песок; светили **звезды**, шли годы, и вот настал ужасный час; вот время **луны** то старо, то молодо (Д. Хармс); в нем брезжит **солнце** завтрашнего дня, и крест его – всемирное служенье; по ночам, когда в тумане **звезды** в небе время ткут, я ловлю разрывы ткани в вечном кружеве минут (М. Волошин).

Иногда в поэтических текстах проводится параллель космические образы – Христос. Данные параллели связаны с властью Бога над солнцем: в час, когда вся плоть проснется, чрево смерти содрогнется, **солнце** мраком обернется, и раздастся голос Сына; как некогда святой Франциск видал: разверзся **солнца** диск и пясти рук и ног Распятый ему лучом пронзил трикраты (М. Волошин).

Для поэтических текстов I половины XX века характерно метафорическое употребление космических образов. Метафорический контекст, в составе которого реализуются названные образы, представлен структурой метафоры приложения, творительным метафорическим, генетивной конструкцией: геометризм радиоларий о вихре **солнц** мне говорит, ты - **солнце** во мраке ненастья, ты – жгучая сердцу роса; о, дети **солнца**, как они прекрасны; всегда холодная пустыня **звезд** над нами останется чужой до горького конца, когда она падет кометными огнями, как брызги слез немых с печального лиц; идите все на зов **звезды**, глядите: я горю пред вами, я обещаю вам сады с неомраченными цветами; зажглась вечерняя звезда – и сколько слез в ее мерцаньях; прощай, бездонно, навсегда, застынь звездой в своих рыданьях (К. Бальмонт); как **солнца** бег нельзя предотвратить – зачатое не может не родиться; плен-

ных солнц рассыплется прибор; я свет потухших солнц, я слов застывший камень; я солнца древний путь от красных скал Таврида (М. Волошин), солнца древнего из сизой тучи пристаен и нежен долгий взгляд; ты – голубка, солнце, сестра (А. Ахматова); и на нее встающих звезд легко оперлись ноги (В. Маяковский).

Зачастую поэтические тексты реализуют ситуацию, при которой солнце отражается в человеке, "живет" в нем разными своими свойствами: он видел солнцем; я полуднем объятый пахну солнцем и мятой (М. Волошин).

Образ солнца может создаваться с помощью различных компонентов метафорического контекста: цвели растения, мной светило солнце (М. Волошин), клонит солнце лик усталый; мягкие тучи пробив, медное солнце смеялось (И. Анненский), люди солнце пьют; я вижу – солнце в каждом взоре; я время сказкой зачарую, я в страсти звезды создаю, я – весь весна, когда пою, я – светлый бог, когда целую (К. Бальмонт); звезды в платочках из белого ситца визжали: "Убит, дорогой, дорогой мой!" (В. Маяковский).

Космические образы в поэтических текстах некоторых авторов входят в структуру сравнения: стихи растут, как звезды и как розы, как красота – ненужная в семье; я счастлива жить образцово и просто: как солнце – как маятник – как календарь (М. Цветаева); чьи-то вздохи, чье-то скорбное молчанье, и тоска, и упоенье, – точно искрится звезда, точно светлый дождь струится, – и деревьям что-то мнится, то, что людям на приснится, никому и никогда; слова любви всегда бессвязны, они дрожат, они алмазны, как в час предутренний звезда, они журчат, как ключ в пустыне; и где сошлись дороги, ваш образ – как звезда; богатыри, вы – боги, вам жить и жить всегда; а теперь пора расставаться нам, расставаться нам – так всегда, нужно в небо мне – вновь скитаться там, вновь скитаться, как звезда (К. Бальмонт).

Таким образом, космические образы являются неотъемлемой частью поэтических текстов первой половины XX века. Изучение особенностей функционирования космонимов в художественном тексте подтверждает одно из важных положений антропоцентрического подхода в науке: человек – центр Вселенной и главный объект лингвистического исследования.

А.Х.Мерзлякова
г.Ижевск, Удмуртский госуниверситет

Синекдоха в сфере прилагательных (на материале английского, русского и французского языков)

В лингвистической науке существуют две точки зрения на синекдоху. Большинство рассматривают синекдоху как разновидность метонимии и объединяют обычно под этим общим названием четыре вида переносов: 1) употребление имени, обозначающего часть, вместо имени, обозначающего целое

Cauchie Antoine. Grammatica Gallica, suis partium absolutior, quam illus ante hunc diem ediderit. Parisiis, 1570.

Estienne Henri. Hipomneses de Gallica lingua. Genève, 1583.

Estienne Henri. Traicté de la conformité de la langage françois avec le grec. Genève, 1565.

Estienne Robert. Traicté de la Grâmaire françoise. Paris, 1556.

Maupas Charles. Grammaire et Syntaxe Française. Paris, 1606.

Pillot Jean. Gallicae linguae Institutio latino sermone conscripta. Paris, 1550.

Sanctius Franciscus. Minerva seu de causis linguae latinae. Salmanticae, 1587.

Моисеева С.А., Сергеева А.А.
г. Белгород, БелГУ

Фразеолекса в структуре семантического поля (на материале французского языка)

Об упорядоченности языковых образов как формальных, так и содержательных, говорили многие лингвисты. Внедрение системных идей в разработку языковедческих проблем и комплексных исследований является наиболее значимым в ряду научных достижений и играет большую роль для дальнейшего развития лингвистической науки. Соссюр, говоря о языке как об особом аспекте речемыслительной деятельности, имеющим системную организацию, утверждал, «что язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия других» (Соссюр, 1977: 147). Подчёркивая системный характер языка, В.И. Кодухов также уделял особое внимание вопросу целостности системы и взаимообусловленности её элементов: «Системный характер его (языка) проявляется в том, что различные языковые явления взаимно связаны друг с другом, функционируют как единое целое» (Кодухов, 1955: 3).

Система тесно связана со структурой, которая понимается как её компонент, как связующее звено между её элементами. Существуют наиболее общие структурные отношения: взаимная зависимость, односторонняя зависимость одного элемента от другого (детерминация), равноправные отношения элементов и т.д. (Попова, Стернин, 2004: 100).

Система и структура – понятия абстрактные, недоступные прямому наблюдению. Построение моделей языка делает возможным понимание сущности его устройства. Обычно моделируются отдельные участки системы языка, но предпринимаются попытки представить организацию всей системы как единого целого. Одной из наиболее адекватных моделей является полевая модель, описывающая различные языковые подсистемы. Г.С. Щур даёт следующее определение поля в лингвистике: «если характеристикой поля считать наличие общего дифференциального признака у данных элементов и явление ат-